

Публикуемая статья доктора исторических наук, профессора С.Е. Рассадина по сути является частью его неизданной монографии. Масштабная работа известного ученого посвящена генезису белорусской символики и детальному изучению ее в XX веке. К сожалению, завершить исследование автор не успел...

Судьба свела меня с Сергеем Евгеньевичем Рассадиным почти 30 лет назад. И все это время я не переставал поражаться разносторонности его личности, разноплановым научным интересам, поистине энциклопедическим знаниям. Выдающийся археолог, историк, геральдист... Его перу принадлежат работы, посвященные археологическим древностям милоградской культуры, важнейшим вопросам славянского этногенеза, прародины славян и места белорусских славянских древностей в этом процессе. Еще одно направление исследований, в котором сильно и ярко проявил себя С.Е. Рассадин, связано с истоками белорусской геральдики – городской, государственной, всех тех символов, что использовались в различных государственных образованиях, существовавших на территории нынешней Республики Беларусь.

Почему сегодня так важно, чтобы хотя бы часть работы ученого появилась на страницах журнала «Беларуская думка» и стала достоянием читателей? Публикация этой статьи дает ответ на всякие инсинуации, лживые нападки, фальсификации, связанные с государственными символами нашей страны. Можно сказать, впервые в белорусской историографии детально, на основании архивных документов ученым проанализировано, как создавался флаг БССР, который стал основой для нынешней государственной символики. Автор подробно исследует, как рождался флажный орнамент и что он означает, как трансформировалось его изображение, открывает читателям новые факты, касающиеся авторства узора, изображенного на полотнище государственного флага. И, на мой взгляд, эта история очень важна для всех нас, живущих в Республике Беларусь.

Особую ценность представляет научность данной статьи. В частности, исследователем вводятся в научный оборот неизвестные источники из личного архива доктора искусствоведения, профессора Михаила Кацера, его переписка с сестрой Матреной Маркевич, создательницей уникального орнамента. С.Е. Рассадину удалось показать глубинные истоки государственной символики, историческую преемственность в ее использовании в новейшей истории Беларуси, убедительно доказать соответствие этого визуального символа традициям белорусского народа. Таким образом, ученый последовательно разрушает мифы, созданные скептиками, развенчивает предвзятые мнения, не имеющие никакого отношения к реальной белорусской истории.

Важность этой публикации видится и в ее практическом применении – она будет познавательной для тех, кто живо интересуется белорусской исторической традицией, а для тех, кто занимается вопросами государственной идеологии страны, безусловно, полезной.

Игорь Марзалиук, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор

Орнамент судьбы: человека, народа, государства

УДК 929.921:7.016.4(476)

Сергей РАССАДИН,
доктор исторических
наук, профессор
(1958–2017)

Говорят, что язык символов – это язык вечности. Он разнообразен, многолик и очень часто имеет графическое выражение. В изображаемых знаках, как правило, отражается мироощущение, миропонимание и восприятие нами окружающей среды.

Современный человек, используя узоры, или орнаменты, своих предков в повседневности, таким образом следует за создававшими их многими поколениями людей разных эпох и культур. В первую очередь подобное явление можно отнести к государственным символам.

Государственные символы разных стран отличаются друг от друга, как

правило, национальным колоритом в их содержании. Не стала исключением и Республика Беларусь. 14 мая 1995 года в результате всенародного волеизъявления (республиканского референдума) молодое белорусское государство обрело герб и флаг, символизирующие не только наш суверенитет. В их изображении появились элементы, выражающие историческую преемственность предтечи независимой Республики Беларусь – БССР, а также традиционно национальные узоры. К таковым, в первую очередь, относится орнамент на полотнище флага.

Еще на флаге Белорусской Советской Социалистической Республики был «вер-

тикально расположен белорусский национальный орнамент белого цвета на красном поле...» [1]. Но уже в Положении о Государственном флаге Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента от 7 июня 1995 года № 214, была обозначена иная цветовая гамма: «Около древка вертикально расположен белорусский национальный орнамент красного цвета на белом фоне...» [2]. И это не случайно. Так были максимально соблюдены народные традиции, согласно которым белорусские мастера вышивки испокон веков работали красными нитками по белому полотну. Интересна и сама история появления рисунка данного орнамента на полотнище государственного флага.

Матрена-рукодельница из-под Сенно

Как утверждают академические источники, в 1951 году Верховный Совет БССР поручил Академии наук разработать эскиз белорусского флага. Рисунок нового Государственного флага Белорусской ССР был выполнен художником М.И. Гусевым, который в основу национального орнамента положил узор, известный как «Восходящее солнце». Выткала его на полотенце в 1917 году крестьянка д. Костелище Сенненского уезда Витебской губернии Матрена Маркевич. А взять за основу именно этот узор предложил профессор, доктор искусствоведения М.С. Кацер, заведовавший тогда в Академии наук сектором искусства. Он же – родной брат сенненской мастерицы. В связи с этим уже в постсоветское время появились слухи, будто прототип флажного орнамента выбран «по благу», что противоречит истине: на самом деле сделано это было коллегиально [3]. В интернете распространяются и другие измышления, вплоть до такого: орнамент на флаг взяли по принципу эстетики, не вдаваясь в его содержание, из погребального обряда предков.

«Бог в мелочах, а дьявол в крайностях» – гласит крылатое выражение, приписываемое И.В. Гете. Крайности наподобие упомянутых нередко порождены

◀ Орнамент на государственных флагах Беларуси: 1) Республики Беларусь, 2) БССР

незнанием деталей или умышленным их игнорированием. Недоброжелателями утверждается, будто бы Матрена создала свой знаменитый орнамент после смерти мужа. Однако хорошо известно – супруга она потеряла в 1937 году, через 20 лет после того, как был выткан этот рушник, что исключает его поминально-погребальный смысл. Об этом красноречиво свидетельствуют биографические сведения о Матрене Сергеевне Маркевич, в девичестве Кацер.

◀ Д.П. Кацер с бабушкиным рушником

▲ Матрена Сергеевна и Алексей Захарович Маркевичи. Фото из коллекции Сенненского историко-краеведческого музея

Вся женская половина семьи Кацер отличалась мастерством в разных видах рукоделия. «Мать и сестры очень хорошо ткали и вышивали постилки, рушники, скатерти», – вспоминал профессор М.С. Кацер. Около 1917 года (тогда же был выткан использованный впоследствии в качестве образца для орнамента на флаге рушник) Матрена Сергеевна вышла замуж за Алексея Захаровича Маркевича. Таким образом, злонамеренно пущенный кем-то слух о будто бы «пахавальном» характере знаменитого Матренина рушника и, следовательно, орнамента на нем этим убедительно опровергается: он-то, оказывается, являлся скорее свадебным!

Молодые Маркевичи создали трудолюбивую, многодетную семью. У них было шестеро сыновей и дочерей: Михаил 1919 (1920?) года рождения, Александра (1922), Зинаида (1924), Аркадий (1926), Степан 1937 года (умер в том же году). Была еще дочь Лидия, но она умерла лет восьми, и поэтому родственники год ее рождения не помнят... Зато помнят, что отец семейства был на все руки мастер: не только крестьянствовал, но и гнал деготь, умел шить кожухи. И в 1937 году наотрез отказался вступать в колхоз. По доносу был арестован, а по постановлению «тройки» расстрелян (ст. 58, ч. 10). Семью раскулачили. Но это было лишь началом Матрениных страданий: впе-

реди ждали испытания Великой Отечественной войны.

На оккупированных фашистами территориях свирепствовал нацистский «новый порядок». Росло и сопротивление народных мстителей, против которых враги проводили регулярные карательные операции. Один из таких эпизодов отражен в докладной записке секретаря Сенненского РК КП(б)Б М.Т. Любимцева Витебскому обкому за март 1944 года: «В период экспедиции, врываясь в деревни, противник жгет их, угоняет неукрывшееся население и забирает имущественные ценности. Например: с 16 марта по 1 апреля с. г. сожжены в Сенненском районе деревни Синянка, Овсище, Приветок, Рыбаковщина, Костелище, совхоз Белица, Моргойцы, Заполье, Красное Село, Вейна и частично другие» [4, л. 98 – 100 об.]. В названных деревнях гитлеровцами и полицаями были убиты около ста мирных жителей, включая стариков и малолетних... М.С. Маркевич с детьми тогда уцелела, уйдя к партизанам, которым и раньше пекла и носила в лес хлеб.

После изгнания оккупантов из Беларуси стала налаживаться мирная жизнь, полная трудностей. О послевоенном житье мастерицы красноречиво свидетельствует документ, который удалось отыскать. Приведем его с сохранением орфографии и пунктуации автора: «Здравствуйце, дараги мой Брациць я рышила табе написаце письмо нешта вы брациць на мяне совсем забыли не хочаш пасаць мне письма. Брациць я рашила попросиць у вас [не]много дених сама не могу работаць усё нужно наняць у мяне рам[а]цизам у нагах хацела купиць сабе што небуць на ноги босая не магу хадзиць совсем. Гарод мой плохой, позний не давали мне сеиць картошка плохая д[о]бро плохое жыву адна у землянке землянка плохая уже, бур[ы]т[с]я. Аркадзя [сын, 4-й ребенок М.С. Маркевич. – С.Р.] у вармии служыць около Ленинграда. Саша [2-я дочь М.С. Маркевич. – С.Р.] приезжала дамов. Дар[а]гой Брациць прашу не одк[а]ж[и] мой прозбы хотя не много» [5, л. 20–21]. Судя по штемпелю, из д. Костелище в г. Минск это письмо

▲ Михаил Сергеевич Кацер. 1941 год. Фото из коллекции БГАМЛИ

доставлено 16 августа 1951 года. Как раз тогда адресат, М.С. Кацер, и участвовал в работе над Государственным флагом БССР. Но мог ли он лоббировать флажный орнамент своей сестры, которая находилась в статусе жены нереабилитированного «врага народа»? В то время была в самом разгаре кампания по борьбе с «безродными космополитами», ближе к концу которой доктора искусствоведения М.С. Кацера, члена партии с 1928 года, инвалида войны на два месяца даже лишили права преподавать в Белорусском политехническом институте имени И.В. Сталина, как это следует из его письма на имя ректора данного вуза за 25 февраля 1953 года [6, л. 1–8]. Скорее всего, имя М.С. Маркевич в ходе обсуждения не упоминалось вообще, а известный нам вариант орнамента был выбран коллективно из нескольких возможных.

Орнамент как историко-культурный код народа

В 2013 году внучка М.С. Маркевич Дина Прокоповна Кацер передала в Сенненский историко-краеведческий музей несколько сохранившихся образцов рукоделия мастерицы, и в том числе – полотняный вышитый рушник [7]. Это, конечно, не «набожнік», или «багавік», которым украшали образа, а так называемый утиральник, имевший вполне утилитарное предназначение (для вытирания рук и т. п.), притом явно длительное время бывший в употреблении. Однако известно, что каждой мастерице-рукодельнице присущ свой собственный стиль, выражающийся в отдаваемом ею предпочтении тем или иным композициям и орнаментам. «Почерк», однажды выработанный, сохраняется потом на протяжении всей жизни.

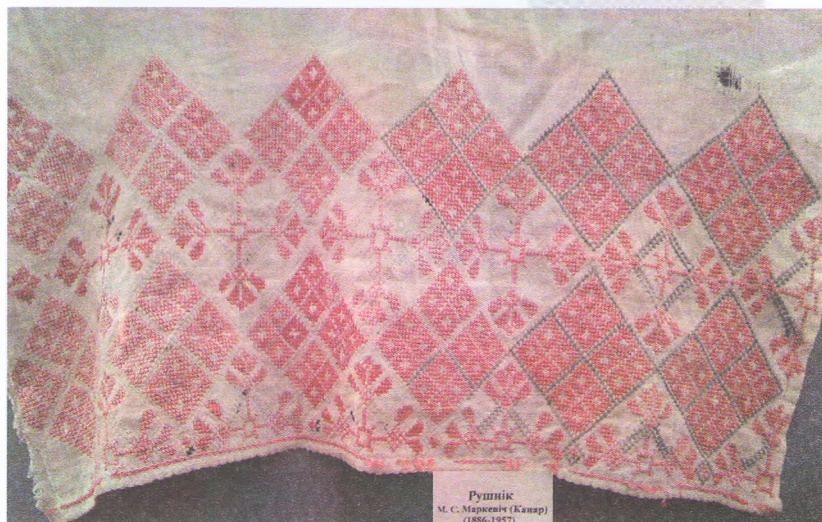
В этом смысле уцелевший орнамент на рушнике, конечно же, является ключом к более полному пониманию нашего государственного орнамента. Вышитый с обоих концов, рушник имеет размер 228 x 40 см. По определению старшего научного сотрудника Центра исследова-

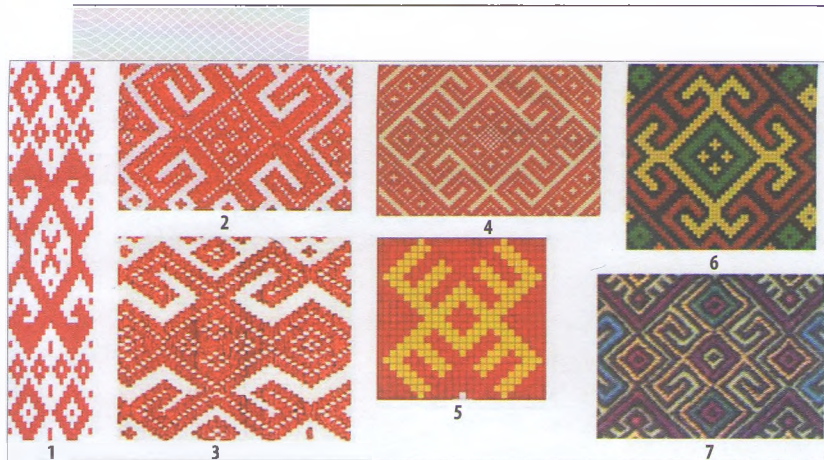
▲ Матрена Сергеевна Маркевич – крайняя справа. Третья справа – Александра, ее вторая дочь, с сыном на руках, рядом с ними их муж и отец Аркадий Карнаушенко. 1950-е годы. Фото из коллекции Сенненского историко-краеведческого музея

ний белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси кандидата искусствоведения М.Н. Винниковой, это – вышивка по домотканой льняной ткани полотняного переплетения крестом хлопчатобумажными нитками. Нитки сильно выцвели: когда-то красные стали розовыми, а черные серыми; частью последние утрачены вообще. Хорошо различимы, однако, вышитые ими узоры, смысл которых, на первый взгляд, в целом неясен, что не удивительно. «Сакральная мова арнамента з цягам часу губляла свой першапачатковы сэнс, трансфармавалася, з пакалення ў пакаленне ўдасканалвалася ў мастацкіх адносінах. Да нас яна дайш-

▼ Вышивка на рушнике-утиральнике Матрены Сергеевны Маркевич. Экспозиция Сенненского историко-краеведческого музея

Рушнік
М. С. Маркевич (Кацер)
(1886-1957)

▲ Ромбо-крючковые узоры конца XIX – начала XX века из Беларуси, России и Украины.
 1 – на Государственном флаге Республики Беларусь;
 2, 3 – на рушниках (Могилевский областной краеведческий музей);
 4 – на женской рубашке (Вологда); 5 – на тканом закладе (пос. Сапожок, Рязанская обл.);
 6 – на рушнике (Восточные Карпаты);
 7 – на домотканом полотне (г. Яремче, Ивано-Франковская обл.).
 1, 2 – по О.А. Лобачевской;
 4 – 6 – по М.А. Качаевой;
 7 – по Р.В. Захарчук-Чугай.

ла, мабыць, у вышэйшай ступені свайго мастацкага развіцця, але як мова, сродак камунікацыі, страціўшы свой змест і ўнутраныя семантычныя сувязі», – пішет ісследвальніца беларускіх рушнікоў О.А. Лобачевская [8].

Впрочем, что касается исследуемого вышитого орнамента, то значение некоторых его элементов вполне очевидно. Ведь в самом его центре мы ясно видим символ «Красна солнышка» с восемью лучами, четырьмя длинными и четырьмя короткими. Обратим внимание: в орнаменте государственного флага подобный элемент отсутствует, возможно, будучи изъятым при упрощении всей композиции для облегчения печатания ее на ткани.

Также в орнаменте белорусского государственного флага мы вместо колосьев видим некие крючководные элементы. По мнению Д.П. Кацер, это не что иное, как инициалы ее бабушки: «М»(атрена) + «М»(аркевич). Но дело, однако, в том, что подобные элементы широко представлены в творчестве многих и многих белорусских, российских и украинских мастериц [9; 10; 11]. На Гомельщине такие своеобразные ромбы именуются «крючча з рясоткай», на Смоленщине – «лягушкой», на Рязанщине – «репеем» и т. д.

Известен способ письма, именуемый бустрофедон (от др.-гр. βούς – бык и στρέφω – поворачиваю), когда одна строка пишется слева направо, а следующая – справа налево. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля отмечен также аналогичный сла-

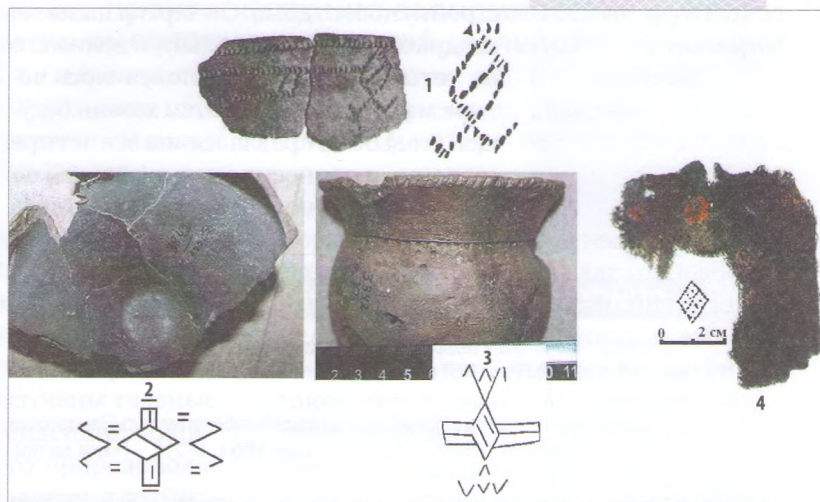
вянский термин «веретень», или «воротень», означавший первоначально расстояние между точками поворота сохи при пахоте. Вот, скорее всего, его изображение мы и видим на отечественном флажном орнаменте.

В то время, когда вышивался утиральник, оказавшийся теперь в Сенненском музее, в райцентре Почеп на Брянщине было раскопано селище первых веков нашей эры, вскрыты остатки жилища типа землянки, а рядом найдено большое количество железных шлаков, глиняные тигли, различные металлические изделия. На нескольких древних сосудах, изготовленных еще без применения гончарного круга, имелись изображения ромбов, снабженных двумя парами крючков каждый [12; 13]. Эти почепские находки очень высоко оценил знаток ромбических узоров А.К. Амброз. По его мнению, это «редчайший пример первоначального, чисто культового, неорнаментального применения таких символов: знаки нанесены несимметрично, на самых разных, случайных, с точки зрения современного нам наблюдателя, местах сосуда». В самом деле, в одном случае он оказался на самом дне миски, то есть совсем не видным, если ее чем-то наполнить, в другом – где-то сбоку горшочка. Предполагается, что в обоих этих сосудах, потом ритуально разбитых, варили нечто наподобие древнегреческой панспермии, при приготовлении которой последовательно засыпались сперва пшеница, потом бобы, ячмень, чечевица и горох [14]. На наш взгляд, более уместно вспомнить здесь про «бабіну кашу», которую повитуха обязательно варила для крестин; присутствующие на них конкурировали за право разбить горшок из-под этого блюда [15]. Археологические памятники, близкие Почепскому селищу, представлены и на Брянщине, и на Гомельщине, и на Черниговщине. Они были созданы, вне всякого сомнения, непосредственными предшественниками самых ранних славян, то есть общими предками трех нынешних соседних народов [16]. Неудивительно, что один и тот же архетип одинаково дает о себе знать в

народном творчестве не только русских, но также украинцев и белорусов.

Но в Беларуси он стал известен с III тысячелетия до нашей эры, то есть, еще с каменного века, к которому относится неолитическое поселение Добрый Бор близ г. Барановичи, исследованное одновременно с почепским. И там также был найден обломок сосуда с «крючковатым» ромбом с такой же поперечной линией внутри, как и в Почепе. Видимо, в обоих случаях это изображения борозды, а композиция в целом – это пиктограмма, то есть рисуночная запись, сообщение безымянного древнего земледельца об уже вспаханном, готовом к посеву поле.

Однако в обоих наших орнаментах – и на государственном флаге, и на полотенце-утиральнике – имеются ромбы, разделенные не поперечно, а крестнакрест. «Наяўнасць у арнаментыцы ручнікоў... крыжа, упісанага ў ромб... можа быць суаднесена менавіта з культурай крывічоў», – пишет О.А. Лобачевская [8]. В самом деле, в бывшем Сенненском уезде, как раз неподалеку от д. Кастелище, белорусским исследователем Е.Р. Романовым еще в конце XIX века было раскопано несколько кривичских курганов, исследование которых до сих пор не потеряло своего научного значения [17; 18; 19]. Эти и соседние курганные могильники были оставлены, по мнению Л.В. Алексеева, одним из подразделений летописных кривичей, а именно их лукомской локальной группой [20]. Интересно, что анонимным западноевропейским автором XI–XII веков, известным как «Баварский географ», упоминаются некие *lucolane*. «Лукомляне, – писал о них великий славист П.Й. Шафарик, – [это] жители города Лукомля и одноименного с ним озера и окрестностей его въ губ. Могилевской, округъ Сен[нен]скомъ» [19]. Но кривичи, как известно, заселяли не только белорусскую Витебщину, но и теперешнюю российскую Псковщину, а также Смоленщину. Неудивительно поэтому, что на Смоленщине при раскопках кривичских курганов XI–XIII веков у д. Харлапово Дорогобужского района

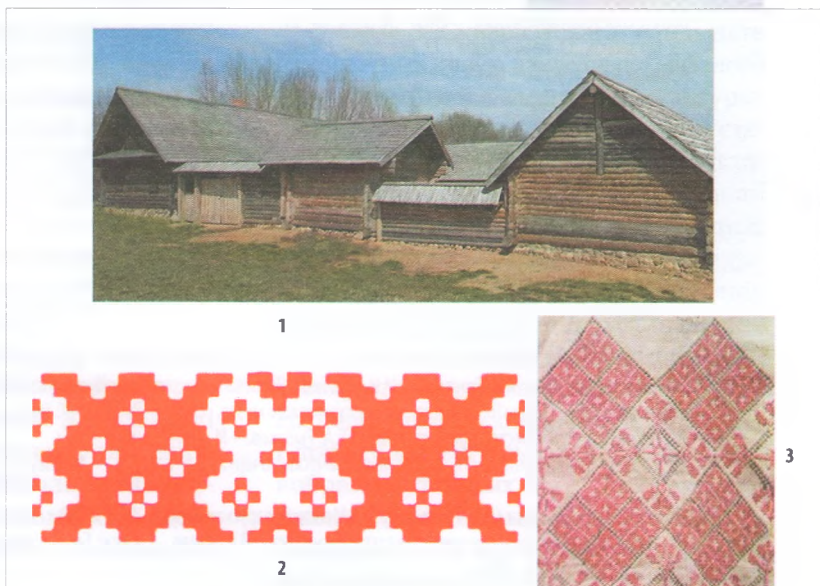

найжены остатки ткани с так называемым ромбо-точечным орнаментом [21].

Малые ромбы с точками посередине также представлены в обоих вариантах рассматриваемого орнамента: и на государственном флаге, и на экспонате Сенненского музея. Такие ромбы известны издревле, однако лишь у земледельческих племен считаются идеограммой засеянной нивы. Сельские рукодельницы из д. Нисимковичи на Гомельщине ромбы с точкой (крестиком) в середине называли «паляначкамі», при местном названии «паляна» для нивы [9]. Глава семьи должен был освятить участок земли под по-

▲ Знаки на древней посуде и ткани. 1 – из Доброго Бора (Национальный исторический музей Республики Беларусь); 2, 3 – из Почепа (Брянский государственный краеведческий музей); 4 – из Харлапова (Государственный исторический музей, Москва)

▼ Двор и его символы. 1 – веночный двор (Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта); 2 – вышивка на мужской рубашке (Н. Пушкинская); 3 – символ усадьбы (М. Маркевич)

стройку нового дома. Он чертил на земле квадрат размером с усадьбу, и делил его на четыре части, чтобы получилось четыре малых квадрата. Затем хозяин будущей усадьбы отправлялся «на все четыре стороны» и приносил с четырех полей по большому камню. Камни укладывались

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Государственном флаге Белорусской ССР [Электронный ресурс]: Указ Президиума Верховного Совета БССР, 25 дек. 1951 г. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/>. – Дата доступа: 10.02.2017.
2. Об утверждении Положения о Государственном флаге Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 7 июня 1995 г., № 214. – Режим доступа: <https://belzakon.net/>. – Дата доступа: 10.02.2017.
3. Голесник, С. Матренино солнце: Орнамент, украшающий наш флаг, выткала сельчанка [Электронный ресурс] / С. Голесник. – СБ. Беларусь сегодня. – 2015. – 10 июля. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/matrenino-solntse.html>. – Дата доступа: 10.02.2017.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 336. Оп. 1. Д. 95.
5. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (далее – БГАМЛИ). – Ф. 149. Оп. 3. Д. 77.
6. БГАМЛИ. – Ф. 149. Оп. 1. Д. 160.
7. Волкова, Л. Свет «Восходящего солнца» [Электронный ресурс] / Л. Волкова // Витьбичи. – 2015. – 7 февр. – Режим доступа: <http://www.pressreader.com/belarus/vitbichi/20150207/281599533920653>. – Дата доступа: 10.02.2017.
8. Лабачэўская, В.А. Поваязь часоў – беларускі ручнік / В.А. Лабачэўская. – Мінск: Беларусь, 2009. – 295 с.
9. Арнаменты Падняпроўя / [аўт. тэстаў: Г.Р. Нячаева і інш.; падрыхт. і апрац. фондавых матэрыялаў: Т.А. Анянэва і інш.; навук. рэд. Я.М. Сахута]. – Мінск: Беларускай навука, 2004. – 606 с.
10. Качаева, М.А. Сокровища русского орнамента / М.А. Качаева. – М.: Белые альфы, 2008. – 207 с.
11. Захарчук-Чугай, Р. Українська народна вишивка. Західні області УРСР / Р. Захарчук-Чугай. – Київ: Наукова думка, 1988. – 191 с.
12. Заверняев, Ф.М. Почепское селище первых веков нашей эры / Ф.М. Заверняев // Советская археология. – 1960. – № 4. – С. 89–118.
13. Амброс, А.К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э. / А.К. Амброс // Советская археология. – 1964. – № 1. – С. 56–71.
14. Амброс, А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») / А.К. Амброс // Советская археология. – 1965. – № 3. – С. 14–27.
15. Кухаронак, Т.І. Бабіна каша / Т.І. Кухаронак // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. – Т. 2: Аршыца – Беларусцы. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1996. – С. 181.
16. Рассадин, С.Е. Первые славяне. Славяногенез / С.Е. Рассадин. – Минск: Белорусский экзархат, 2008. – 288 с.
17. Романов, Е.Р. О курганных раскопках в Сенненском уезде Могилёвской губернии / Е.Р. Романов // Известия Императорского Общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, 1890. – Т. LIX. – Вып. 5. Труды Антропологического отдела. – Т. IX. – Вып. 3. – С. 597–605.
18. Производство археологических раскопок // Отчет Императорской археологической комиссии за 1893 год. – СПб: Типография главного управления уделов, 1895. – С. 1–38.
19. Шафарик, П.И. Славянские древности: в 2 т. – Т. II, кн. 1 / П.И. Шафарик; пер. О.М. Бодянского. – 2-е изд. – М.: Университетская типография, 1847. – 462 с.
20. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля / Л.В. Алексеев. – Полоцк: А.И. Судник, 2007. – 50 с.
21. Левинсон-Нечаева, М.Н. Ткачество / М.Н. Левинсон-Нечаева // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.: Труды Государственного исторического музея. – 1959. – Вып. 33. – С. 9–27.
22. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1981. – 406 с.
23. Народы Европейской части СССР: этнографические очерки: в 2 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1964. – 984 с.
24. Кто живет в Беларуси / А.В. Гурко [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2012. – 799 с.
25. Кацар, М.С. Беларускі арнамент: ткацтва. Вышыўка / М.С. Кацар. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1996. – 208 с.

в центре каждого малого квадрата, начерченного на земле. После этого земля считалась освященной [22]. Однако еще в начале XX века у крестьян-белорусов границы полей именовались «стенами», а все земли села вне этих «стен» назывались «застенками» [23]. Получается, что пахотная земля воспринималась тогда как эквивалент огороженного сельского двора. В Белорусском Поозерье, включая Сенненщину, широко распространен так называемый веночный тип двора, когда жилые и хозяйственные постройки образуют замкнутый четырехугольник; промежутки закрывались забором, «парканом» из бревен, заложенных в шулы. Первоначально такой двор был своего рода крепостью, куда можно было попасть только через ворота» [24]. Профессор М.С. Кацар писал: «У народным мастацкім ткацтве сімвал двара, хаты ўвасоблены ў выглядзе ромба... Сімволіка гэтага матыву досыць умоўная, але ўвогуле лагічная: чатырохвугольнік, замкнёная прастора, як і традыцыйны сляянскі двор. Вельмі часта гэты матыву спалучаецца з сімваламі зямлі, хлеба, чалавека, ураджаю. Думаецца, такое спалучэнне асаблівых тлумачэнняў не патрабуе». Свое мнение он проиллюстрировал ссылкой на вышивку одной землячки М. Маркевич. Н. Пушкинская из д. Гулино Сенненского района вышила узор, понятый М.С. Кацаром как символ крестьянского двора [25]. Но и на вышивке его сестры такие же крестообразно расположенные ромбы, правда, по структуре более сложные. Надо полагать, нечто подобное имел также впоследствии адаптированный М.И. Гусевым прототип флажного орнамента, на который попала лишь узкая полоса, извлеченная из исходной композиции. Эту исходную, во всей ее целостности, впоследствии и воспроизвела много лет спустя сама М.С. Маркевич, вышив рушник, хранящийся сейчас в Сенно, вероятными составными частями орнамента которого являются символы: ясное солнышко с животворными своими лучами; под ним – нива, обработанная, засеянная, плодоносящая; вокруг нее – жилые усадьбы: дом, родны кут... ▀